

Сченснович В.Н.*
ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ
И ГОСУДАРСТВАХ СНГ
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.02

Для цитирования: Сченснович В.Н. Тенденции миграции в России и государствах СНГ. (Аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.02

Аннотация. На современном этапе во всем мире актуальны проблемы миграции населения. Для России особое значение имеет трудовая миграция из стран СНГ. Большое внимание государство уделяет адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество, проблемам знания истории России и русского языка.

Ключевые слова: Россия; государства СНГ; Таджикистан; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; трудовая миграция; регулирование миграции; отношение местного населения к мигрантам; постоянное и временное трудоустройство; миграция в период пандемии COVID-19; квалификация и образование мигрантов; легальная и нелегальная миграция; рынок труда.

Введение

В условиях пандемии COVID-19 РФ продолжает являться одним из мировых центров притяжения трудовых мигрантов. До начала пандемии коронавируса на работу в Россию ежегодно въезжало около 5–6 млн человек, из них более 90% – из стран СНГ. Глобальное распространение вируса изменило действовавшие тенденции в сфере трансграничных передвижений. Закрытие государственных границ превратилось в основную проблему международного трудового обмена.

Авторы статьи опираются на проведенные ими социологические исследования по ситуации в сфере миграции, приводят суждения экспертов.

* Сченснович В.Н., научный сотрудник Редакции журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в РФ

Кандидаты экономических наук, ведущие научные сотрудники Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН Е.С. Красинец и Т.В. Шевцова (г. Москва) анализируют последствия влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию в России [3]. На основе данных социологических опросов показано воздействие пандемии COVID-19 на процессы привлечения иностранных работников. Уделено внимание также регулированию трудовой иммиграции в условиях преодоления последствий коронавируса.

С целью раскрытия тенденций, проблем адаптации и интеграции иностранных работников в период пандемии COVID-19 Институтом социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН в 2020–2021 гг. на территории Калининградской области были проведены социологические опросы трудовых мигрантов. Общий объем выборки составил 600 человек от 18 лет и старше. Среди опрошенных трудовых мигрантов преобладали мужчины в возрасте 30–40 лет. Молодежь составляла около 30%. Основной приток мигрантов – из Средней Азии с доминированием граждан Узбекистана. 24% опрошенных у себя на родине получили среднее образование. Менее половины мигрантов имели среднее специальное, высшее или незаконченное высшее образование. 29% респондентов прибыли в страну с начальным и неполным средним образованием, или вообще без образования.

Общий уровень квалификации мигрантов невысок. До отъезда в Россию большинство респондентов были заняты в отраслях с неквалифицированным трудом (45%) или выполняли работы, требующие среднего уровня квалификации (47%). В структуре прибывших заметно ниже оказалась доля работников с высокой квалификацией – около 8%.

В условиях пандемии коронавируса масштабы трудовой иммиграции в российских регионах резко пошли на убыль. По данным МВД РФ, в 2020 г. в целом по стране было поставлено на миграционный учет 2,4 млн иностранных граждан, прибывших в Россию на работу, это более чем в 2 раза меньше, чем в 2019 г. Наполовину сократилось количество выданных разрешений на работу иностранным гражданам из стран с визовым въездом. На 57% уменьшился прием из-за рубежа квалифицированных специалистов. На 1/3 убавилось количество выданных патентов иностранным

гражданам и лицам без гражданства. Общее количество разрешений на работу и патентов для трудовых мигрантов сократилось в 1,6 раза. В период пандемии в экономике произошло резкое сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты. В условиях кризиса и неустойчивой занятости трудовые мигранты оказались перед угрозами потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию.

Сузились легальные пути для трудоустройства, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости. В регионах усилились диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. С одной стороны, в сфере занятости сформировалась избыточная численность «застрявших» сотен тысяч трудовых мигрантов, лишенных средств на покупку продуктов питания, жилья, лекарств, оплату транспортных расходов и другие насущные нужды, что увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций. С другой стороны, в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения их «возвратной миграции» отдельные отрасли, прежде всего строительство, ЖКХ и сельское хозяйство, испытывали нехватку рабочих кадров. Многие работодатели после преодоления первой волны пандемии активно занялись поиском иностранных работников.

Трудовые мигранты в условиях кризиса оказались одной из наиболее уязвимых групп населения России. Как показали опросы, важнейшими проблемами жизнедеятельности гастарбайтеров стали: ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы отправлять денежные переводы домой. По данным опросов, у почти 30% трудовых мигрантов доход уменьшился на величину от 10% до половины от прежнего уровня, у 13% заработка сократились более чем на 50%.

Период пандемии характеризуется противоречивым характером суждений трудовых мигрантов, связанных с оценкой их положения в России и планами по возвращению домой в страны постоянного проживания. Большинство опрошенных позитивно характеризуют работу в России и не планируют уходить с российского рынка труда. Несмотря на многочисленные оценки своего материального положения как неудовлетворительные, а также возросшие в период пандемии риски потерять работу и остаться без источника дохода, велико число тех, кто не намерен уезжать из страны. Главной причиной таких настроений является крайняя

бедность населения стран Центральной Азии, которая заставляет значительную часть мигрантов мириться с сокращением заработков, ухудшением условий занятости и даже с периодами безработицы и не покидать Россию.

Большая часть трудовых мигрантов высказались за долгосрочное пребывание в России. За год пандемии выросли намерения мигрантов на более глубокую интеграцию в РФ. В 2020 г. около 37% респондентов указали, что они хотят остаться в России навсегда, а в 2021 г. таких было уже 43%. При этом представители стран СНГ относятся к возможности остаться в России на постоянной основе по-разному. Лидирующие позиции в рейтинге ответов на вопрос «Хотели бы Вы остаться в России навсегда, получить вид на жительство и российское гражданство?» занимают ответы мигрантов из стран, наиболее интегрированных на евразийском пространстве, – Казахстана (75,0%) и Киргизии (62,5%). Стремление получить российское гражданство и долгосрочно находиться в России характерно также для мигрантов из Таджикистана (44%), Азербайджана (40%) и Узбекистана (37%).

Последствия пандемии в экономической сфере сформировали у мигрантов рост ориентаций на получение достойных заработков и возврат домой. Доля респондентов с такой стратегией выросла с 17% в 2020 г. до 21% в 2021 г. Вместе с тем большинство мигрантов (почти 2/3 от числа опрошенных) намерены после отъезда домой опять вернуться в Россию. Согласно данным опроса, 41% респондентов ответил о своих планах «обязательно вернуться» и еще 24% заявили, что «скорее всего вернутся». Работа мигрантов в России в целом воспринимается ими более благоприятной, чем ситуация с занятостью в местах их постоянного проживания у себя на родине.

В результате первой волны пандемии COVID-19 на российском рынке труда возникла избыточность предложения иностранной рабочей силы (ИРС), отмечает Е.С. Красинец [2]. Под влиянием карантинных мер и сокращения масштабов экономической деятельности произошло сжатие спроса на рынке труда и резкое уменьшение рабочих мест в отраслях и секторах, где были задействованы мигранты. По мере нормализации ситуации в экономике и под воздействием принятия антикризисных мер правительства по борьбе с коронавирусом численность трудовых мигрантов стала увеличиваться. Восстановление экономики привело к возрастанию спроса как на низкоквалифицированных, так и на высококвалифицированных работников.

В сфере управления потоками трудовых мигрантов важен поиск путей совершенствования механизмов, регулирующих рынок труда иностранных работников. Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы, считает автор, повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования рынка труда мигрантов. Большое значение при этом приобретает стимулирование приезда в Россию востребованных категорий работников.

В статье доктора экономических наук, профессора Р.И. Акьюлова (Уральский ин-т управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург) и замначальника общего отдела Е.И. Акьюловой (Уральский ин-т управления) [1] представлена типология нелегальной миграции, критерием которой выступает характер ее влияния на региональный рынок труда. Негативные аспекты, связанные с нелегальной миграцией, в значительной степени являются следствием несовершенного миграционного законодательства и коррупционных правонарушений, осуществляемых должностными лицами, занимающимися вопросами регулирования миграционных процессов. Нелегальная миграция – один из основных источников теневой экономики. Основные причины нелегальной миграции – коррупция в органах государственного управления, относительная дороговизна оформления документов для осуществления иностранцами законной трудовой деятельности на территории России. Усугубляют ситуацию наличие многочисленных недобросовестных посредников, а также мошенников, предлагающих свои услуги по оформлению вида на жительство, патента или права на работу, делающих фальшивые документы, а также незнание мигрантами русского языка, российских законов, отсутствие межгосударственных программ в области трудовой миграции.

Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда

Исследователь М.Г. Хохлова [5] (НИИ мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова) отмечает, что в 90-е годы в Россию в поисках работы из стран СНГ прибывала преимущественно малоквалифицированная рабочая сила, которая находила занятость в строительстве, торговле, транспорте и пр. Распространение Интернета привело к росту количества иммигрантов-программистов и других специалистов в области сложных технологий. В 2021 г. увеличилось число запросов на работу в

России от IT-разработчиков из стран СНГ. Из Казахстана в 2021 г. поступило запросов на 36% больше, чем в 2020 г.

Главной причиной роста иммиграции из государств СНГ в РФ стала «демографическая яма», образовавшаяся в 90-е годы и приведшая к нехватке специалистов – за последнее десятилетие население РФ в возрасте 20–24 лет сократилось с 12 до 7 млн человек [2]. В числе причин дефицита рабочей силы на российском рынке труда оказался также отток мигрантов (занятых преимущественно в материальном производстве) в связи с пандемией коронавируса. В отличие от них, в IT-секторе «дистанционная иммиграция» (т.е. работа в удаленном режиме) нарастала благодаря готовности мигрантов работать в менее благоприятных условиях и за меньшую зарплату.

Пандемия ускорила технологические прорывы и усилила «неравенство» профессий, разделив их на те, которые можно перевести на удаленную работу, и те, которые исключают такую возможность. В результате этого миллионы людей остаются без работы, тогда как более 40% рабочей силы благодаря возможности использовать цифровые технологии успешно адаптировались к новым условиям. Дистанционная работа, получившая импульс под влиянием карантина и самоизоляции, обрела законодательную базу. Нехватка персонала наблюдается там, где требуется присутствие на рабочем месте (location based).

Данные о процессах, происходящих на рынке труда в связи с технологической революцией, содержатся в Докладе МОТ от февраля 2021 г. Цифровые платформы выросли за последнее десятилетие. Среди них две платформы широкого типа: 1) гибкая форма работы, осуществляемая из любого места в любое время (online web-based), например, переводы, разработка программного обеспечения; 2) работа, требующая присутствия персонала в конкретном месте (location based), например, такси и доставка. Работодатели все чаще приглашают на работу молодых специалистов, что объясняется различием в уровне образования и готовностью осваивать новые технологии. Так, занятые в online web-based платформах не только моложе, но и характеризуются более высоким уровнем образования – среди них 60% имеют высшее университетское образование. Среди работающих location based в такси 21–24% имеют высшее образование, они часто вынуждены были отказываться от профессий, по которым получили образование.

Развитие IT-технологий и пандемия, ускорившая процессы перехода на дистанционный труд, создали новые возможности адаптации как для иммигрантов, так и для активного населения России, желающего интегрировать себя в современный рынок труда. Новые формы занятости позволяют работать дистанционно и делают доступным обучение профессиям нематериального производства без значительных затрат средств [2, с. 226].

Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва) В.И. Мукомель [4] рассматривает особенности занятости в России высококвалифицированных трудовых мигрантов (ВКМ) из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Вместе с тем ВКМ из Средней Азии, будучи более успешными, чем их менее квалифицированные соотечественники, проигрывают в конкуренции за лучшие рабочие места ВКМ из других стран.

Потенциал среднеазиатской миграции в краткосрочной перспективе высок и способен вызвать серьезные изменения не только на рынке труда – в силу того, что в Россию могут прибыть значительные потоки мигрантов, не адаптированных к российским реалиям.

Применительно к мигрантам на постсоветском пространстве автор использует сведения о полученном ими высшем образовании. Исследователь поясняет: из-за того, что граждане Туркмении практически незаметны на российском рынке труда и немногочисленности граждан Казахстана (основная часть которых представлена этническими русскими и студентами, сталкивающимися с иными проблемами на рынке труда), автор относит к среднеазиатским ВКМ исключительно граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Работа базируется на нескольких социологических исследованиях. В проведенном Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для НИУ ВШЭ в 2017 г. опросе мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана 586 человек были отнесены к ВКМ. В июне 2020 г. был проведен опрос мигрантов сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с НИУ ВШЭ. Опрошены 2695 граждан стран СНГ, включая 1301 респон-

дента на территории РФ и 1394 респондентов за ее пределами, но намеревавшихся приехать в Россию в 2020 г. Численность мигрантов из Средней Азии составила 1012 человек, в том числе отнесенных к ВКМ – 264 человека (из них 114 респондентов в России, 150 – за пределами РФ).

Хотя квалификация не сводится к образованию, однако решающую роль в квалификации работника играет полученное им образование. Основная масса среднеазиатских трудовых мигрантов имеет среднюю квалификацию (84,3%), доля ВКМ – 12,1%, низкоквалифицированных – 3,6%. Доля ВКМ среди трудовых мигрантов из разных государств максимальна среди граждан Киргизии – 15,0%, а минимальна среди граждан из Узбекистана – 10,0%, тогда как среди граждан Таджикистана эта доля составляет 14,0%.

Высококвалифицированные работницы старше высококвалифицированных мигрантов-мужчин: среди ВКМ из Киргизии и Узбекистана – на 4 года, из Таджикистана – на 1,5 года. Женщины существенно образованнее мужчин: если только 10,5% мужчин имеют высшее и неполное высшее образование, то среди женщин эта доля составляет 17,8%. При этом в Россию едут работать наиболее образованные женщины и менее образованные мужчины из стран-доноров: во всех потоках из среднеазиатских государств доля женщин с высшим и неполным высшим образованием среди присутствующих на российском рынке труда значительно выше, чем в странах происхождения, тогда как мужчин – ниже.

Согласно официальным данным Республики Узбекистан, в 2017 г. 91% мигрантов имели среднее образование и менее 10% – высшее. В отличие от Киргизии, где доля имеющих высшее образование больше среди женщин, в Таджикистане и Узбекистане высшее образование более распространено среди мужчин.

Социально-демографические профили ВКМ из Киргизии и Таджикистана не сильно отличаются от профилей работников низкой и средней квалификации из этих государств. Иная ситуация среди мигрантов из Узбекистана: ВКМ, во-первых, существенно старше работников более низкой квалификации, во-вторых, среди них значимо больше женщин. Отчасти это обусловлено тем, что из Узбекистана приезжают больше ВКМ этнических русских и представителей других этнических групп, не принадлежащих к титульным национальностям среднеазиатских стран.

Большинство ВКМ работают, но 10,6% из них – безработные, ищущие работу. Среди респондентов из Киргизии безработных 9,3%, из Таджикистана – 10,7, из Узбекистана – 10,7%. Занятость ВКМ из Киргизии выше, что объясняется большей доступностью рынка труда для этих мигрантов ввиду предпочтений, распространяющихся на граждан стран – членов ЕАЭС.

Для ВКМ из Средней Азии основными видами экономической деятельности являются оптовая и розничная торговля, коммунальные, социальные и персональные услуги (административная работа), строительство, гостиничный бизнес и общественное питание, транспорт, домашнее хозяйство. Имеются различия в видах экономической активности выходцев из Киргизии и мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – ВКМ из Киргизии реже работают в строительстве и чаще в торговле. Виды экономической деятельности среднеазиатских ВКМ существенно отличаются от тех, в которые они были вовлечены на родине (а такой опыт имеют 4/5 ВКМ), – наиболее часто они были заняты в системе образования – 23,5%, в торговле – 15,5, в госуправлении, обеспечении безопасности и соцобеспечении – 11,3%. В строительстве были заняты 8,6% ВКМ, в гостиничном бизнесе и общественном питании – 2,7, на транспорте и в связи – 5,5, в деятельности домашних хозяйств – 1,8%.

Среднеазиатские ВКМ в подавляющем большинстве занимают рабочие места, где их квалификация избыточна. Проблема «сверхквалификации» актуальна для среднеазиатских ВКМ: только у 9,2% их квалификация востребована на новых местах. В сложном положении находятся многочисленные представители работавших на родине в образовательных учреждениях. В большинстве своем (61,5%) это женщины, практически все они до приезда в Россию занимали места специалистов высшей квалификации. В России они заняты преимущественно в торговле (31,0%), коммунальных, персональных и социальных услугах (22,0%), гостиничном бизнесе и общепите (16,0%). Прогнозируемая доля занятых неквалифицированным трудом максимальна в коммунальных и прочих сферах услуг. Тогда как ВКМ, работающие в гостиничном бизнесе, сфере общественного питания и торговле, чаще заняты на рабочих местах, требующих средней и высокой квалификации.

Основная мотивация приезда в Россию – поиск хорошо оплачиваемой работы. Хотя значительная часть среднеазиатских ВКМ заняты на неквалифицированных работах и интенсивность

их труда чрезмерна, в большинстве своем они позитивно оценивают свою работу в России. Причем в поисках приемлемой работы ВКМ демонстрируют более высокую мобильность, чем менее квалифицированные среднеазиатские мигранты: свыше половины (55,2%) меняли рабочее место в России, тогда как среди менее квалифицированных – 47,3%.

Квалификация значительной части среднеазиатских ВКМ не востребована на российском рынке труда в силу того, что образование, полученное ими на родине, не котируется российскими работодателями. Только 9,3% работников удалось найти работу, адекватную их опыту и квалификации, и это 40,4% респондентов, искавших такую работу.

Несмотря на все проблемы, среднеазиатские ВКМ, присутствующие на рынке труда, собирались и дальше продолжать работать: 86,0% из них планировали работать в России в 2020 г., не планировали – лишь 5,3%. Среди присутствующих на рынке труда ВКМ 78,1% хотели постоянно оставаться в России, среди мигрантов меньшей квалификации – 74,2%. Многие ВКМ, находившиеся за рубежом, стремились приехать на заработки в Россию: 64,9% из них были уверены, что найдут работу, а 27,6% сомневались только в том, что найдут ее быстро.

К 2020 г. большинство трудовых мигрантов, как показал социологический опрос, успешно адаптировались к ситуации. Среднеазиатские ВКМ в массе своей выражали удовлетворенность условиями труда (77,5%) и оплатой труда (70,0%). В то же время среднеазиатские ВКМ сознавали, что их квалификация не соответствует качеству занимаемых ими рабочих мест: 76,3% считали, что у них есть навыки или квалификация для выполнения более сложной работы.

Расценивая ситуацию как временную во время первой волны пандемии (весна 2020 г.), уверенные в своих возможностях найти работу в России и не желая ее покидать даже временно, среднеазиатские ВКМ упрочили свое положение на российском рынке труда. Учитывая неопределенность перспектив возвращения ВКМ из других государств постсоветского пространства на российский рынок труда, исследователь прогнозирует: в ближайшие годы мигрантские ниши труда высокой квалификации будут заполняться ВКМ из основных стран-доноров – государств Средней Азии.

Заключение

Ситуация, сложившаяся в связи с пандемией, ограничением международных транспортных коммуникаций, привела к тому, что в Россию не смогли приехать сотни тысяч мигрантов из Средней Азии, намеревавшихся выйти на рынок труда: в 2020 г. было поставлено на миграционный учет на 2,0 млн меньше въехавших из стран Средней Азии мигрантов с декларируемой целью работы, чем в предыдущем году. В 2021 г. ситуация кардинально не изменилась по сравнению с 2020 г.: на 1 июля количество патентов (большинство их владельцев – граждане Таджикистана и Узбекистана) было на 13,4% меньше, чем годом ранее.

Мигранты стали одной из наиболее уязвимых групп во время пандемии. Повышенный риск заражения (как минимум вдвое выше, чем у местных жителей), сложное положение на рынке труда из-за менее стабильной занятости, более низкого стажа работы, дискриминация в условиях избытка предложения на рынке труда – все это стало повседневной реальностью во время пандемии. Вместе с тем высококвалифицированные мигранты из стран Средней Азии продемонстрировали высокий потенциал адаптации к экстраординарной трансформации рынка труда.

Список литературы

1. *Акьюлов Р.И., Акьюлова Е.И.* Влияние нелегальной миграции на региональные рынки труда в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 148–161.
2. *Красинец Е.С.* Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение, 2022. Т. 25. № 2. С. 104–115.
3. *Красинец Е.С., Шевцова Т.В.* О последствиях пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2021. С. 234–237.
4. *Мукомель В.И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии в России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 186–204.
5. *Хохлова М.Г.* Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 221–227.

Обзор поступил в редакцию 02.02.2023.

Принят к публикации 16.03.2023.

Schensnovich V.N.
Migration trends in Russia and CIS countries.
(Analytical review)

Valentina N. Schensnovich,
Research Associate,
Publishing Department of the Journals
“Rossiya i Musulmanskii Mir” & “Russia and the Moslem World”,
INION,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

***Abstract.** At the present stage, the problems of population migration are relevant all over the world. Labor migration from CIS countries is of particular importance for Russia. The state pays great attention to the adaptation and integration of migrants into the host community, the problems of knowledge of the history of Russia and the Russian language.*

***Keywords:** Russia; CIS states; Tajikistan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; labor migration; migration regulation; attitude of the local population to migrants; qualification and education of migrants; legal and illegal migration; labor market.*